

Новая газ. - 2003. - 17-20 апр. - с. 26-28.

Митта (по телефону): Любимов? Это Саша из ВИДа? Когда? Записываю: вторник, 15 часов.

Юбилярам принято говорить, что они полны недюжинных сил. С Миттой иначе. Известие, что ему 70, даже самых близких приводит в чувство шока. Саше? Сашеньке? Тому самому, что промчался сейчас мимо вас в джинсах через ступеньку по лестнице? Тому, что не передыхая бросается с головой из проекта в проект? Кто спит по пять часов, успевая и на вечернюю арт-хаузную премьеру, и на предассветную съемку, и на дневной мастер-класс?

— Ты точно знаешь свой день рождения?

— Конечно, метрики сохранились. Но дни рождения не отмечаю. Детство оборвалось рано, в четыре года, когда в 37-м маму посадили. В общем, праздновать так и не научился. Зато в этот день я сдал сценарий на канал. Точнее два сценария: кино и сериал в одной упаковке. Я по горло залез в большой серьезный, необычный проект. Надо снимать, а сценарий

в X веке неподалеку от озера с необычными лебедями.

— Но «нырять» в языческую Русь — дорогое удовольствие. Будет сложнопостановочная картина?

— Что ж там сложного? В X веке люди жили просто, одевались еще проще. Архитектуры, считай, не было. Избы, лес, озеро и лебеди.

— Но как уйти от современности? В лицах, движении, тексте?

— Есть великое число профессионалов, которые увлечены, понимают саму материю прошлого: как люди одевались, говорили, чем занимались. Есть люди, знающие старинные распева, движения. Кроме того, это фантазия, история с волшебством, которым пропитана действительность. В общем, восемь минут мы живем в X веке, остальные 45 — в современности, где разворачиваются пять любовных историй, скрученных в один сценарный узел. Оттого, что происходят они на том же озере, возникает эффект эха прошлого. Перефразируя Мандельштама: мы

К юбилейным салютам Александр Митта относится с опаской, старается «пригнаться» и проскочить незаметно. В этом году — не вышло. Друзья, ученики, все, кто любит режиссера и его фильмы, собрались в Доме кино и устроили мастеру «семейный» вечер без пафоса и фальши. А потом все (вне ранжиров, без спецприглашений) поднялись на четвертый этаж в ресторан, чтобы пропустить рюмку за его здоровье. В общем, хороший вышел вечерок. Но знаю, что Митта не кокетничает: он на самом деле не то что дней рождения — праздники не очень-то привечает. Не любит отвлекаться от работы, которая и есть для него самая что ни есть многограссочная жизнь. Переждав дружный масс-медийный хор славословий, я отправилась в его мастерскую на «не юбилейный» разговор.

Режиссера я застала буквально запорошенного белыми сценарными листами, не только мелко исписанными, но и зарисованными раскадровками, эскизами будущего фильма. Карандаш он носит на ленточке на груди, чтобы не тратить время на поиски, когда снимает телефонную трубку

Александр МИТТА:

В МОЕЙ «МАШИНЕ»

ЗАДНЕГО

еще не до конца доработан. Я остался практически без соавтора. Потому что Зоя Кудря, с которой мы продуктивно сотрудничали на «Тайге...», сейчас, слава богу, вышла на уровень, которого давно заслуживает. И ее просто рвут на части. Наша работа в основном проходит по телефону, она что-то дельное советует.

Знаю, что Саша поначалу планировал диалоги, как это принято, дать расписывать другим авторам. А потом сам увлекся и «настучал» 140 страниц диалогов. Тут уж не до праздников. Тем более когда телефон звонит не переставая.

Митта (по телефону): Ее взаимоотношения с лебедями не прописаны. Она к озеру приходит за советом. Начинается знаковый диалог между ней и лебедями. Один, к примеру, проплывает мимо. А два других начинают драться...

— Как отнеслись к сценарию на ТВС?

— Уже приняли. Называется фильм «Лебединый рай». Внутри каждой серии будет маленький фильм — легенда о романтической любви, разворачивающаяся

живем, под собою не чуя прошлого.

— Каждый народ имеет прошлое, которое заслуживает?

— Народ может ощущать себя народом, лишь точно зная, откуда он родом. Понятие патриотизма уже дискредитировано пафосом. Но возникает другая беда: люди теряют чувство Родины. Телевидение — единственное место, способное дать пространство для подобной сложносочиненной истории.

— Значит, пространства кино тебе недостаточно?

— Кино — локальный сюжет. Новелла длиною в полтора часа. В них роман не спрессуешь, надо рвать куски по живому. А я затеял визуальный роман. Сначала попробовал в фильме «Граница. Таежный роман». Там была тема: мечты женщин, трех подруг. Когда, как ручейки, они впадали в одну реку общей истории, картина обретала плотность, энергетичку.

— Поэтому вынужденно усеченный фильм «Тайга...» во многом уступил сериалу?

— Конечно. Но фильм смотреть не захотели потому, что его все видели на телеэк-

ране. Здесь рядом с сериалом возникнет отдельный фильм. В нем не будет современности. Телевидение всегда будет делать сериалы. Это формат, а не качество. Плюс задачи, возможности, финансирование.

— Плюс люди. Согласись, что бешеный темп, в котором бегут наперегонки сериалы, оставляет ощущение если не халтуры, то некоторой небрежности.

— Не знаю, я работал честно, стараясь небрежности не допускать. Американцы снимают «Скорую помощь» так, что ты оцениваешь тщательность материала, его выделку.

— С «Лебединым озером» и музыкой Чайковского связи нет?

— Абсолютно никакой. Здесь своя мифология.

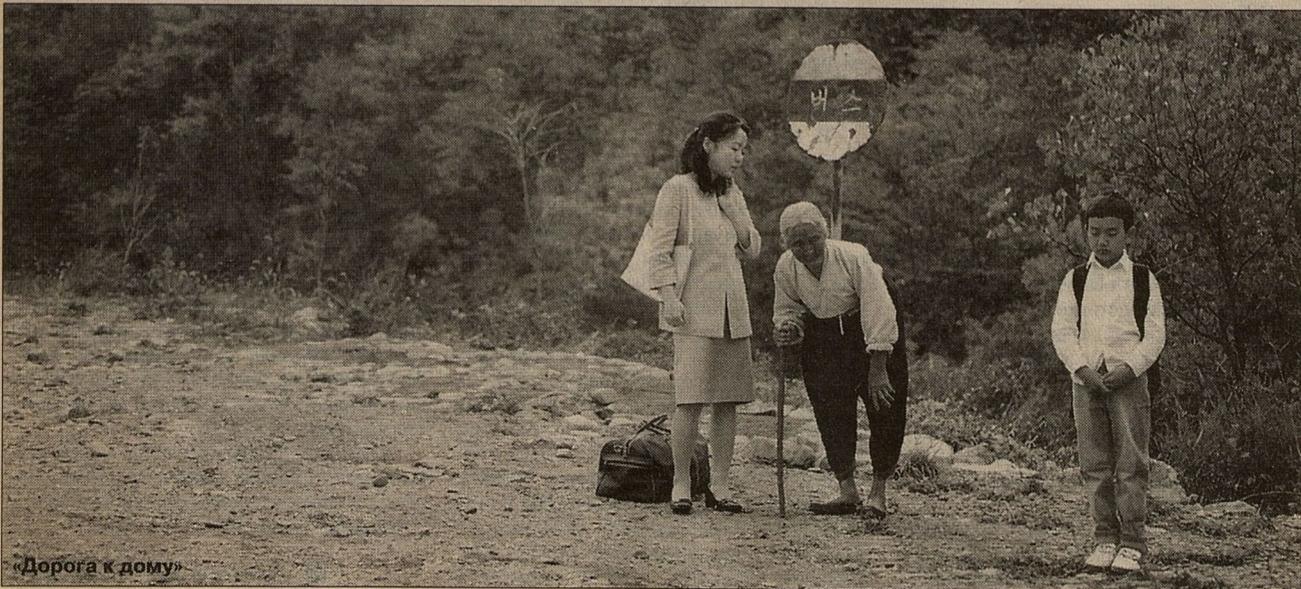
— Слышала, ты планируешь часть сцен создавать средствами анимации. Это неожиданно для нашего кино.

— Лебединое озеро связано со всякого рода чудесами. После рассказа учительницы ученики рисуют «преданья старины глубокой». И картинки оживают. Частично буду оживлять их по новым технологиям, частично одушевлять анимацией.

— Что для тебя — первоисточник проекта: история?

— Любой серьезный проект для меня связан со сверхценной идеей. Что-то над кино, больше, чем кино. «Экипаж» затеял потому, что страшно обидно было видеть, как разрушается цех комбинированных съемок, совершенно не востребованный после смерти Птушко. А люди еще были живы. И какие люди! У меня был прекрасный помощник — Игорь Фелицын, дивный комбинатор, настоящий волшебник. Но накануне картины он умирает. Картину вытащили, но я совершенно не реализовал сверхидею. Комбинированный цех как уходил «под воду», так и сгинул вовсе. Сверхзадачей в «Гори, гори, моя звезда» была попытка создания фильма, построенного как «монтаж аттракционов» Эйзенштейна. Опыт придал свежести фильму, но революции в кино не совершил. Потом я «переболел» другими идеями: пробоval себя в жанре исторического фэнтези. Ведь «Сказ про то, как царь Петр

ПРЕМЬЕРА

«Дорога к дому»

И. ШАГОВ

НЕТ ХОДА

НЕ ЮБИЛЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

«арапа женил» — условный мир петровского барокко. Не сняли в Петербурге ни одного эпизода — все придумали, нарисовали, выстроили.

— **Поэтому ты так рьяно отмахивался от настоящего эфиопа, настаивая на Высоцком?**

— Не только от эфиопа. Всерьез рассматривалась, например, кандидатура Гарри Беллафонте, с которым получился бы совершенно другой фильм. Бог его знает, может, все эти задачи и не нужны вовсе — надо просто делать фильм.

— **Какова же сверхзадача «Лебединого рая»?**

— Перенести романную форму на телевидение.

— **Разве в «Тайге...» было иначе?**

— Хочу этот путь продолжить. Смотри, как кино сближается с ТВ. Это происходит уже и в умах зрителя. Когда «Золотой Орел» не стал ограничивать премию рамками чистого кино, зритель проголосовал в анкетах за сериалы. А вот для «Тэфи» телекино продолжает оставаться на обочине. Нет награды лучшему актеру или актрисе, хотя дикто-

ры, комментаторы получают свое сполна. Они еще не осознали, что телекино — их главный конвертируемый продукт, который к тому же приносит дивиденды.

Митта (по телефону): Да нет, материал грамотный, история крепкая. Но хочется чего-то другого. Слишком уж все выверено...

— **Преподавать ты бросил?**

— Нет, пытаюсь продолжать, хотя времени нет. Вот сейчас собираюсь на короткий срок к Германии провести укороченный курс занятий в Гамбургском университете. Люблю преподавать и, обретя какую-то финансовую независимость, займусь любимым делом.

— **Что из того, что вдохновляло, не удалось осуществить?**

— Придумал свой «Вишневым сад». В будущем году — юбилей Чехова, мог бы получить под это дело деньги. Но, увы, уже буду занят.

— **А столетие пройдет, и все забудут.**

— Теряю этот проект уже третий раз. Сначала финансирование предложили французы. Но буквально за не-

сколько дней до начала съемок на официальном уровне было принято решение не поддерживать иностранное европейское кино. Потом еще одна возможность рассыпалась вдребезги. Сценарий написан, раскадровки сделаны.

Митта разворачивает папки с подробными раскадровками, в самом деле очень любопытными. Вот дом Раневской после спешного отъезда. Мебель убрана траурными белыми чехлами. Свет графическими полосами исчеркивает гостиную через доски забитых окон. В финале окно разобьет ветер, и над белой мебелью будет кружить белый снег.

— **У режиссеров есть фильмография нереализованных проектов.**

— Насчитал как-то в разных стадиях готовности 26 непоставленных сценариев. Было придумано кино по «Руслану и Людмиле», свободная версия с фантазиями; не поставлен фильм про Венявского. Дело там было не столько в Венявском, сколько в эпохе. В конце XIX века Россия была центром мировой музыкальной культуры. Чайковский, Рубинштейн, Мусоргский, Римский-Корсаков, Даргомыжский... В нашем представлении эти классики — гуммозные бородастые «скультурь». А они были веселые ребята и в свободное от сочинительства время толпой заваливали к цыганам, оставались до утра в борделях, играли. Венявский, большую часть

жизни проживший в Петербурге, был неизлечимым игроком. Все это происходило в атмосфере бурного культурного строительства. Император построил Мариинский театр, консерваторию. Брат императора играл на виолончели. Каждую неделю они встречались с Венявским, чтобы вместе играть в квартете. Представь себе на миг, что депутаты нашей Думы собираются вечером... поиграть в ансамбле. С этим проектом я стал жертвой обмана. Люди прокручивали деньги, а сценарий заказали мне, потому что я в России. Далеко. Наше дело связано с деньгами, к тому же долгое. «Лебединое озеро» вынашивал лет пять. «Граница...» тоже была задумана как первая серия огромного современного сериала. История предполагала продолжение. Через двадцать лет один из героев возвращается. «Граф Монте-Кристо» наоборот. Не хороший человек мстит злодеям, а злодей пытается наказывать всех за поруганную жизнь.

— **Так, может, и «Граница...» еще оживет?**

— Нет, в моей «машине» заднего хода нет. Знаешь, в связи с этим самым юбилеем есть тема, которая меня гложет. Прошла туча статей. Практически всех журналистов интесировало, кто меня сформировал, повлиял, научил. Но отчего-то все материалы крутились вокруг двух-трех звездных фамилий: Шукшин, Высоцкий, Тарковский. Остальных из текстов выбрасывают. Вместе с

тем режиссер — тот, в ком пересеклось много народу. Скажем, пять фильмов своих я снимал с оператором Валерием Шуваловым. Без него был бы невозможен «Экипаж», «Сказ про Петра...». Есть люди, влиявшие серьезно не столько на фильмы — на меня самого, заряжавшие энергией, поддерживавшие! Дружба с покойным Высоцким всех умилает, а у меня не был, а есть друг Вадим Туманов, человек невероятной жизнестойкости, которого жизнь ломала жестоким образом. Он и в лагерях сидел, и артели создавал первые. Написал совершенно фантастические мемуары, просто Бенвенуто Челлини. А его фамилию из статей вычеркивают. Всем нужны звезды. Моя жизнь, слава богу, не ограничивается ни знаменитостями, ни журналистами. Поэтому и объяснять им не стану, что воздух, которым я дышу, сам того не замечая, — это моя жена Лиля. Талантливейший художник, успешно работавшая в книжной графике, но для нас непостижимо незаметно, да еще чуть ли не ежевечерне, принимала ораву друзей. Вот если не выбросишь этих людей из заметки, скажу тебе большое спасибо. Режиссер — тот, кто выстраивает здание из кирпичей дарований других, тех, кто рядом, их жизненных сил, опыта — на цементах своей идеи.

Митта (по телефону): Нет, спасибо, на «Кармен» сегодня не пойду. Буду работать...